

В. В. Лапаева²

ИДЕЯ ОБЩЕГО БЛАГА В ТРАДИЦИЯХ РУССКОЙ И ЕВРОПЕЙСКОЙ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ

В основе различий между доминирующим на Западе человекоцентристским пониманием права как формы индивидуальной свободы и системо-

центристской традицией российского правопонимания, в рамках которой право предстает как некое доминирующее над индивидом нравственно-религиозное начало, лежат различные подходы к трактовке такого фундаментального феномена политико-правовой культуры, как *общее благо*.

² Главный научный сотрудник Института государства и права РАН (Москва), доктор юридических наук. Автор около 200 научных публикаций, в т. ч. книг: «Вопросы права в “Капитале” К. Маркса», «Конкретно-социологические исследования в праве», «Законодатель и общество», «Право и многопартийность в современной России», «Право и политика: из научной публицистики»; учебников: «Социология права» и «Российская социология права»; ответственный редактор и соавтор «Комментария к Федеральному закону “О политических партиях”», сборника «Законодательство о науке: современное состояние и перспективы развития». На протяжении многих лет занималась экспертизой законопроектов в Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. Советник Председателя Конституционного Суда РФ. Член редколлегии журнала «Социологические исследования». Награждена Почетной грамотой Государственной Думы РФ.

В рамках античной философии общее благо (*bonum commune*) понималось как обусловленное политической природой человека благо всех членов социально-политического сообщества «на основе естественно-правового (и, следовательно, общесправедливого) признания блага каждого»³. Впоследствии данное понятие претерпело различные исторические модификации, но в целом не ушло от этого изначального смысла, в соответствии с которым общее благо, по сути, предстает как условие блага каждого. Такой подход к трактовке общего блага смыкается с представлением о справедливости

³ *Нерсесянц В. С.* Философия права. М., 1997. С. 96.

общественного устройства, при котором обеспечивается выражение и защита блага каждого члена общества, исходя из естественно-правового принципа справедливости, выраженного формулой «каждому — свое: равным — равное, неравным — (соответственно) неравное».

Если операционализировать категорию общего блага и перевести ее в плоскость категории интереса, то можно сказать, что понятию «общее благо» соответствуют *универсальные интересы*, присущие неограниченному кругу лиц, а не так называемые *общественные интересы*, представляющие собой, по сути, групповые интересы большинства¹. Носителями общего блага (общего интереса) являются здесь сами члены общества (каждый в отдельности и все вместе), а не отчужденные от них и господствующие над ними государственные, социальные или конфессиональные институты. В контексте такого подхода право выступает в качестве важнейшего общего блага, поскольку именно оно создает условия для свободной, равносправедливой реализации блага каждого по принципу: благо одного человека может быть реализовано до тех пор, пока оно не препятствует реализации блага другого человека. Применительно к сфере нормативной регуляции социальной жизни такое понимание роли права означает, что для государства регулятивная ценность права как формы индивидуальной свободы (то есть возможности человека действовать в соответствии со своей разумной свободной волей) обладает приоритетом перед ценностью нормативных регуляторов нравственного или религиозного характера.

В России же на протяжении всей ее истории в трактовке общего блага доминировал не универсалистский (западный), а соборно-коллективистский (византийский) подход, согласно которому общее благо рассматривалось как некое высшее, господствующее над индивидом начало. Характерные для русской философско-правовой школы представления о возможности достижения всеобщей солидарности на нравственных началах самоограничения индивидуальной свободы ради общего блага свидетельствуют о непонимании (а скорее о психологическом неприятии) того обстоятельства, что общечеловеческая солидарность может утвердиться лишь на основе и в границах формального правового равенства, гарантирующего людям свободу и справедливость в общественной жизни².

На практике всякое отступление в сторону нравственности или религии от твердой основы правового принципа формального равенства означает, что человек попадает на зыбкую почву произво-

ла. Или свобода в правовой форме равенства, писал В. С. Нерсесянц, или произвол в его многоликих проявлениях³. Свобода в человеческих взаимоотношениях возможна только в пределах действия принципа формального равенства, в рамках которого один человек равен другому человеку, а следовательно, независим от него, то есть свободен. За пределами действия этого принципа человек неизбежно попадает в зависимость от властного усмотрения или от степени нравственного совершенства своих партнеров по взаимоотношениям.

Релятивизм этической концепции права был ярко продемонстрирован в советские годы, когда население с удивительной легкостью адаптировало свои религиозно-нравственные представления о праве, справедливости, общем благе к классовой идеологии большевизма. Отсутствие в общественном сознании правового стержня в виде идеи формального равенства позволило большевикам увлечь людей идеологемой фактического равенства, в рамках которой равенство в правах подменялось потребительской уравниловкой, всеобщая человеческая солидарность — классовым единством, общее благо — общественными интересами коллектива, право — партийными директивами, свобода — произволом, справедливость — классовой диктатурой и т. п. В итоге интересы личности были полностью подчинены так называемому «общественному интересу», монополию на выражение которого присвоила себе коммунистическая партия.

В настоящее время позиция системноцентристского подхода к праву, традиционно опирающаяся на течения политической философии, связанная с идеями соборности, евразийства, византийства, державности, получает все более заметное идеологическое подкрепление со стороны концепций управляемой демократии, либеральной империи, суверенной демократии и т. п. Все эти течения и направления социально-политической мысли так или иначе проповедают идею особого пути России, не вписывающегося в вектор либерально-правового развития западной цивилизации, оспаривают универсальный характер прав человека и пытаются обосновать авторитарную самобытность российского права и демократии тяготением российского общества к системноцентристской концепции общего блага.

Однако важной особенностью современного этапа развития страны является то обстоятельство, что в действующую Конституцию заложено человекоцентристское правопонимание, выраженное прежде всего в ст. 2, согласно которой «человек, его права и свободы являются высшей ценностью», а также в ряде иных конституционных положений. Конечно, реализация этих положений на практике в значительной мере определяется тем, как законодатель и правоприменитель трактуют правовой смысл ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, согласно которой права человека могут быть ограничены законом для защиты «основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц,

¹ Дедов Д. И. Общее благо как система критериев правового регулирования экономики. М., 2003. С. 10–11.

² «Как бы ни были разнообразны нравственные понятия у различных народов, — писал, например, Е. Н. Трубецкой, — все они сходятся между собой в том, что человек должен поступаться некоторыми личными интересами ради блага общего, ограничивать свой произвол ради ближних... И не подлежит сомнению, что именно в этом принципе всеобщей человеческой солидарности выражается не преходящая точка зрения той или другой исторической эпохи, а вечный непреложный закон добра...»

³ Нерсесянц В. С. Указ. соч. С. 40.

обеспечения обороны страны и безопасности государства». Если (как зачастую это и бывает на практике) закрепленное в Конституции основное право человека ограничивается федеральным законом не для защиты права другого человека и тех ценностей общего блага, которые делают такую защиту возможной, а для обеспечения доминирующих над человеком коллективных интересов, то это означает, что государство, выражающее указанные интересы и создающее закон, который их защищает, произвольно решает, что есть право человека¹. Тем не менее наличие в Конституции норм, прямо закре-

пляющих приоритет прав человека в системе нормативных ценностей государства, прирожденный и неотчуждаемый характер основных прав и свобод человека, приоритет общепризнанных принципов и норм международного права перед национальными законами, создает устойчивую нормативную основу для развития и укрепления человекоцентристского правопонимания, с позиций которого ценности индивидуальной свободы могут успешно защищаться не только в рамках политико-правового научного дискурса, но и (что особенно важно) в процессе правотворческой и правоприменительной практики.

---

¹ Подробнее см.: *Лапаева В. В.* Критерии ограничения прав человека с позиций либертарной концепции правопонимания // Журнал российского права. 2006. № 4.